

ное пространное толкование видения из Апокалипсиса. Не прибегая к доказательству правильности своей теории, он в этом случае ограничился ссылкой на высший авторитет — предсказания Апокалипсиса. Автор послания на этот раз не старается расположить к себе государя, не убеждает, не призывает, не пытается понятно изложить свои взгляды, не полемизирует. Постановка вопроса в этом послании наиболее богословская, наименее публицистическая. Тон послания сухой, предостерегающий и «дерзновенный». Полное представление об этом тоже дает лишь прочтение всего послания, однако показательными являются и отдельные выражения: «Видиши ли, яко вся царства потопишася неверием, новыя же Русиа царство, аще и стоит верою в православии, но добрых дел оскудением и неправда умножися»⁴⁸ или: «Да не будет дивное се жилище безакония наполнено». Показательно и введение к посланию, говорящее о людях, которые «иже верою крещени мнящеся, дела же отмещутся, утуждени же иже не токмо сами не хотяще праведно жити, но иже по бозе живущих крепче ратующе», и предупреждающее: «... не твори тако, якоже они безаконнии, погибел бо их ведома будет всем». Именно в этом послании Филофей использует правила V собора: «... аще же и самый венец носящий тако творити начнут, надеющеся на богатство и на благородие, не покарятися начнут, не отдающе их же обидеша, преждереченною виною повинни да будет, по святых же правилех да будут прокляти».⁴⁹ Филофей предупреждает о тяжелых последствиях, которые влечет за собой нарушение заповедей святых отцов: «... не разсея ли ны бог по лицу всея земля, не взяты ли быша грады наша, не падоша ли силныя князи наша острем меча, не запустеша ли святыа божиа църькви, яко же в царствующем граде содеяся, не томими ли есми от безбожных поган, не поведени ли быша в плен чада наша».

Сама теория в этом послании излагается как бы между прочим. Православная църковь — «жена» «паки в третий Рим бежа, иже есть в новую великую Русию ... и едина ныне святая соборная апостолская църковь восточная паче солнца во всей поднебесней светится и един православный великий Руский царь ... новыя же Русиа царство аще и стоит верою в православии».⁵⁰ Создается впечатление, что речь идет об известных сюжетах.

Филофей посланием великому князю Василию Ивановичу доказал широту своих взглядов, признание великой роли Москвы, дал краткую формулировку теории третьего Рима сразу после событий 1510 г. Образованный, разносторонний и дальновидный М. Г. Мисюрь-Мунехин убедился в его эрудиции и лойяльности по отношению к великим князьям, высоко оценил значение его творчества, а затем стал привлекать его к обсуждению важнейших теоретических и практических вопросов, поощрял его публицистическую деятельность, способствовал росту его известности и усилению влияния на великих князей.

Послание царю и великому князю Ивану Васильевичу могло быть написано Филофеем в конце его творчества, когда он был уже знаменит и влиятелен. Его прежние заслуги давали ему право обратиться к новому правительству с суровым предостережением, которое касалось положения не только в Пскове, но и во всем государстве.

Иную последовательность в написании посланий трудно было бы объяснить. Мог ли Филофей писать Ивану III, еще не будучи крупной

⁴⁸ В. Мал и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложение, стр. 63, 64.

⁴⁹ Там же, стр. 58, 59.

⁵⁰ Там же, стр. 62—64.